

В. В. Трофимов¹

**ПРАВОВАЯ КОЭВОЛЮЦИЯ
КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ**

Проблемы правового развития с точки зрения его движущих сил, интенсивности, закономерностей относятся к числу наиболее значимых и вместе с тем не в полной мере разрешенных. Философский уровень данного вопроса главным образом был отражен методологией диалектического материализма, социально-философский — исторического материализма, собственно правовой уровень — нормативистским подходом в правовопонимании. Объясняя некоторые из зако-

¹ Профессор кафедры гражданского права Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, доктор юридических наук. Автор более 210 научных работ, в т. ч. монографий: «Взаимодействие индивидов как правообразовательный процесс: общетеоретический аспект», «Правообразование в современном обществе: теоретико-методологический аспект», «Правообразование и правообразующие факторы в праве»; соавтор ряда коллективных монографий, учебников и учебных пособий; автор научных статей, обзоров и рецензий в ведущих российских научных журналах.

нов развития права как нормативного и социального явления, все названные уровни познания не учитывали главного — каким образом в праве в ходе его культурной эволюции сочетается искусственное (то, что привносится в правовую материю разумной деятельностью субъектов юридической компетенции) и естественное (то, что отражает глубинную природу человека и общества). Не было высказано однозначного суждения о том, какими процессами определяется ход правовой эволюции: объективными или субъективными, «естественно-историческими» (общесоциальными) или теми, которые инициируются в рамках рациональной (планомерно-сознательной) официальной юридической деятельности. Однако ответ на данный вопрос необходим: он позволит достичь уровня теоретической определенности в данном предметном поле, то есть добиться более точного решения научных

задач и соответственно изменить отношение к целому ряду практически ориентированных вопросов (правотворчество, правоприменение, правовая конкретизация и других, раскрытие которых требует обоснованности суждений).

Проблема для юридической науки непростая, однако если не получается кардинально разграничить естественное и искусственное в праве, что подтверждает сам факт длительной многовековой дискуссии о том, какое «право» является собственно правом — естественное или позитивное, то необходимо прийти к возможности их синтеза. Основной познавательной проблемой становится, таким образом, нахождение общего знаменателя для интеграции естественного (объективно эволюционирующего права) и искусственно моделируемого права как элемента «ноосферы» (определяемого субъектами юридической компетенции (правотворчества/правоприменения) в рамках процесса правового развития как феномена культуры. На какой же основе допустимо объединить естественное и искусственное в праве, констатировать это в качестве единого развивающегося процесса?

Во-первых, начать нужно с понимания того, что правовое развитие отражает те же закономерности, что свойственны культуре в целом. И поскольку культура — это явление целостное, синтезирующее различные не только социальные, но и природные начала, то и право, как элемент культуры, отражает те же законы в своем развитии. Культура — это целостное явление, которое включает разные уровни, материальные и духовные аспекты, единство прошлого, настоящего и будущего, поэтому и рассматривать проявления культуры (в том числе право) необходимо с позиции целостного, комплексного подхода. Как справедливо отмечал Д. С. Лихачев, «представляется чрезвычайно важным рассматривать культуру как некое целостное явление, как своего рода среду, в которой существуют свои общие для разных аспектов культуры тенденции, законы, взаимоотношения и взаимоотталкивания...»¹. «Итак, культура представляет собой единство, целостность, в которой развитие одной стороны, одной сферы ее теснейшим образом связано с развитием другой»².

Ф. А. Хайек, относящийся к редкому типу ученых-универсалов³, выражая свое понимание относительно эволюции социальных норм и институтов, высказывал интересное на этот счет суждение: «Культурная эволюция не является продуктом разума, сознательно проектирующего институты, а представляет собой результат процесса, в котором культура и разум развиваются в постоянном взаимодействии и переплетении. Это, кажется, теперь начинают понимать. Вероятно, имеется не более оснований утверждать, что мыслящий

человек создал свою культуру, чем утверждать, что культура создала его разум»⁴.

Во-вторых, требуется менять мыслительные алгоритмы, с помощью которых происходит и познание, и оценка окружающих явлений. Модель классического типа рациональности, на которой главным образом и основывается традиционная юриспруденция, не в состоянии преодолеть этот разрыв между «объективным» и «субъективным», естественным и искусственным в праве. Разумность самого «жизненного мира» (состоящего из людей и взаимодействий) в традиционной гносеологии права практически не предполагается (называются лишь обезличенные материальные факторы, которые неким образом находят отражение в сознании законодателя и определяют содержание принимаемых им нормативных решений). С точки зрения классической эпистемологии именно субъект познания является собой некий эталон истины, поскольку именно он способен правильным образом отобразить происходящее вокруг, воспринять те самые материальные условия и на основе сделанных выводов принять определенные решения⁵. Та же логика была задействована и в правотворческом познании.

Установка отечественного правоведения на преобразование, управляющее воздействие на основе «познания закономерностей» делала вполне востребованной известную «теорию отражения» (получившую разработку и обоснование в марксистско-ленинской философии). Данная конструкция, выражая определенную гносеологическую концепцию, задавала показательные ориентиры, в том числе для специально-научных теорий (имеется в виду также теория права).

В свою очередь для многих современных неклассических и постнеклассических эпистемологий отказ от субъектоцентризма становится почти принципиальным. Если для классической теории познания субъект выступал как некая непосредственная данность, а все остальное вызывало сомнение, то для современной теории познания проблема субъекта является принципиально другой. Познающий субъект понимается в качестве изначально «включенного» в реальный мир и систему отношений с другими субъектами. Вопрос не в том, как понять сознание внешнего мира (или даже доказать его существование) и мира других людей (субъектов), а как объяснить генезис сознания субъекта, исходя из этой данности. Мир субъекта, таким образом, оказывается культурно-историческим продуктом: «Человек суть существо культурное, определяемое культурой»⁶.

В связи с новыми познавательными ориентирами вполне можно говорить о необходимости увеличения когнитивного опыта, стремящегося преодолеть абстракцию гносеологического субъекта и традиционное раздвоение «на субъектно-объектные отношения»,

¹ Лихачев Д. С. Культура и ее роль в жизни человека // Лихачев Д. С. Избранное: Мысли о жизни, истории, культуре / сост., подгот. текста и вступ. ст. Д. Н. Бакуна. М., 2006. С. 95.

² Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 103. Как замечает А. С. Запесоцкий, «... глубокий научный потенциал... имеет идея Дмитрия Сергеевича о целостности культурных и природных систем...» (см.: Запесоцкий А. С. Культурология Дмитрия Лихачева. СПб., 2007. С. 50).

³ См.: Козлихин И. Ю. Правопонимание Ф. А. Хайека // Правоведение. 1992. № 5. С. 67–73.

⁴ Хайек Ф. А. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М., 2006. С. 477.

⁵ См.: Микешина Л. А. Философия познания. Полемика главы. М., 2002. С. 29.

⁶ Честнов И. Л. Культурологический подход к анализу права // Гуманитарные проблемы современной цивилизации: VI Междунар. Лихачевские науч. чтения, 26–27 мая 2006 года. СПб., 2006. С. 323.

обращающегося к тому, что М. Шелер называл философствованием «из полноты переживания жизни». Субъект познания предстает в этом случае как задающий предметные смыслы, понимающий, интерпретирующий и расшифровывающий глубинные и поверхностные, буквальные смыслы. Эта деятельность мышления существенно дополняет отражательные и кумулятивные моменты познания, являясь не менее фундаментальной, чем они. Однако активность субъекта интерпретирующего нередко существенно выше активности субъекта отражения, ведь, в отличие от последнего, он должен обладать значительным объемом специального знания, внутренним, личностным и смысловым контекстом, владеть приемами смыслополагания и смыслосчитывания, быть включенным в коммуникации и постоянно находиться в диалоге с другим для решения общих проблем. Этот подход к правопознанию, несомненно, важен для решения в том числе правовых проблем¹.

В современной философии субъектно-субъектные отношения исследуются путем рассмотрения диалога, понятия коммуникативной рациональности, вопросно-ответного дискурса. Эта реальность продуцируется актуальным взаимодействием человека с другими людьми, возникновением особой сферы «между» (М. Бубер). В данном контексте идеальное выступает в пространстве «между» объектом и субъектом, его невозможно экспериментально обнаружить ни на стороне объекта, ни на стороне субъекта, взятых изолированно друг от друга². Применяя высказывание структуралиста К. Леви-Стросса и конструктивиста Ж. Деррида, такой подход позволяет изучать не только «отраженные, но и преломленные лучи»³.

Таким образом, очевидной является насущная для юридической науки, как и для всех иных наук, потребность переосмысления и переоценки многих когнитивных форм, учитывающих многое из того, от чего должна была отвлекаться классическая теория познания⁴.

Социально-правовое исследование также должно проводиться с учетом того, что его предмет не является природным, естественным объектом, существующим по собственным законам, внешним по отношению к исследователю. Он представляет собой объективацию — в тех или иных социальных, политических, юридических установлениях и институтах, формах, явлениях и прочим — субъективных установок, целей, намерений, мотивов деятелей, выступающих в качестве реальных субъектов социально-культурных исторических процессов. Таким образом, в праве в силу его природы изначально происходит синтез и объективного (того, что пришло из жизни и культуры), и субъективного (того, как это «внешнее» преобразовалось во внутреннем мире личности).

Среди намечаемых возможных путей выхода за пределы традиционной эвристической модели называется эволюционно- или естественно-исторический способ познания (так называемая эволюцион-

ная эпистемология). Исследования отечественных (М. К. Мамардашвили, И. Т. Касавин и др.) и зарубежных эволюционных эпистемологов (К. Лоренц, Д. Кэмпбелл, Г. Фоллмер, К. Поппер, С. Тулмин, Э. Эзер и др.) констатируют, что человек принадлежит природному миру и должен рассматриваться наряду с другими его составляющими. Само приспособление к этому миру и вся жизнь человека предстают как процесс познания, а из этого следует, что модели эволюции и самоорганизации сложных систем необходимо применять и к познавательной деятельности человека. В этой теории познания сама эволюция представлена как познавательный процесс решения проблем методом проб и ошибок, а органическая адаптация интерпретируется как приращение знания. Тем самым познавательный процесс перестает быть чем-то только специально организуемым и рассматривается как реализующийся во всех видах человеческой деятельности⁵.

Одно из позитивных, по мысли Л. А. Микешинной, следствий принципов постмодернизма, существенных для синтеза когнитивных практик, — это понимание необходимости «расшатать» привычное бинарное мышление в оппозициях, снять упрощенную редукцию к противоположным, взаимоисключающим моментам по принципу дизъюнкции (или/или). Возможные для этого пути: субъектно-объектное взаимодействие в контексте субъектно-субъектных отношений; дополнительность, гармонизация; мультипарадигмальность. Выстроенная заново философская абстракция субъекта познания («целостного», «участвующего»), а не только «гносеологического») может стать основанием и предпосылкой синтеза различных когнитивных практик. В основе диалога и синтеза прежде всего должен лежать принцип доверия субъекту познания как участнику жизни, правомерность принятия которого находит существенное подтверждение не только в истории философии и науки, но и в положениях *эволюционной эпистемологии*, рассматривающей жизнь как процесс познания, а познавательный аппарат — как результат коэволюции природных и социокультурных факторов⁶.

И, в-третьих, желательно менять не только свое отношение к процессу познания, но и иначе видеть сам предмет познания, изначально понимать всю его сложность, избегать упрощенного взгляда и излишне настойчивого стремления к редукции. В этом смысле дополнительную «монету» в «копилку» проводимого методологического подхода преподносит *современная онтология*, создаваемая *синергетическим* видением реальности. Так, проводя типологию изучаемых науками объектов, В. С. Степин констатирует, что «все социальные объекты, рассмотренные с учетом их исторического развития, принадлежат к типу сложных саморазвивающихся систем», которые «требуют для своего освоения особой категориальной сетки»⁷. «Сложным,

¹ См.: Микешинна Л. А. Указ. соч. С. 18–20.

² См.: Микешинна Л. А., Опенков М. Ю. Новые образы познания и реальности. М., 1997. С. 202.

³ Цит. по: Микешинна Л. А. Указ. соч. С. 48.

⁴ Там же. С. 14.

⁵ См.: Мамардашвили М. К. Стрела познания. Набросок естественно-исторической гносеологии. М., 1996. С. 22.

⁶ См.: Микешинна Л. А. Указ. соч. С. 54–56.

⁷ Степин В. С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. 2003. № 8. С. 7.

многоплановым и разноуровневым феноменом является и право»¹.

Современные синергетические представления, включаемые в методологический арсенал гуманитарного знания, содержат очень важную (можно сказать «ключевую») идею «универсального (глобального) эволюционизма», который сводится не только к «общевселенской» идее развития, но и включает идею связи эволюционных и системных представлений².

Изучаемые объекты все чаще предстают как различные варианты процессов самоорганизации, становления и функционирования исторически развивающихся систем. Для саморазвивающихся систем по-новому ставится проблема «искусственного» и «естественного». Противопоставление естественного (как возникающего без вмешательства человека) искусственному (как результату деятельности человека, основанному на вмешательстве в ход естественных процессов) уже не является абсолютным. Новые состояния саморазвивающейся системы возникают как результат реализации ее потенциальных возможностей, как один из нескольких вероятных сценариев развития системы. Синергетическое описание предполагает, что «в состояниях неустойчивости в точках бифуркации система становится особо чувствительной к внешним воздействиям, а сами эти воздействия не являются чем-то таким, что насильственно меняет природу саморазвивающейся системы. Ее сущностной характеристикой является актуализация определенных сценариев развития в зависимости от особенностей внешних воздействий. Причем возможны не всякие сценарии, их выбор в точках бифуркации определен генетическими особенностями системы. С этой точки зрения деятельность, актуализируя те или иные сценарии, «русла» развития системы, становится «соучастником» естественного процесса эволюции. Реализация одного из возможных сценариев предстает и как искусственно созданная, и как результат естественного развития. В этом аспекте различие естественного и искусственного может сохранять свой смысл»³.

Данную модель, на наш взгляд, можно с достаточной долей уверенности экстраполировать на право как сложный саморазвивающийся феномен и на этой основе понять правовой процесс как со-развитие (коэволюцию)⁴ естественно-социального (общественного) и искусственного (обусловленного государством) источников правовой динамики, как синер-

гетическое единство сил, приводящих в движение сложноорганизованный механизм воспроизводства права. В свою очередь, понять его действие, как имеющего характеристики сложной саморазвивающейся системы, невозможно только в русле классического мировоззренческого подхода (классические идеализации познающего субъекта не будут в этом случае полностью адекватными). В связи с этим актуальным здесь становится появление особого субъекта познания как «реального эмпирического субъекта», «становящегося», «возникающего в сложном потоке коммуникаций».

Принятие такой точки зрения уже на уровне фреймов (схем) познания, исследования процесса правового развития позволит иначе увидеть весь мир правовых явлений. Понять его в качестве находящегося в постоянном становлении, развитии, движении, преобразовании на основе сочетания объективного и субъективного, со-развития (коэволюции) естественного и искусственного, формального и неформального, позитивного и негативного, рационального и иррационального в едином течении «правовой жизни»⁵.

Думается, будет правильным и теоретически более перспективным остановиться на научном представлении о том, что в правовом развитии задействованы различные силы, между которыми существует объективная взаимосвязь, предложив, таким образом, рассматривать процесс развития права как коэволюционный процесс (как процесс со-развития). Это предполагает, что объективное и субъективное, естественно-социальное и искусственное (рационально-организованное) находятся в постоянном переплетении и взаимодействии, что отражает сам сложный процесс организации социально-правовой жизни общества. Ф. А. Хайек определяет эту «двойственность» через термины «таксис» (рационально построенный порядок) и «космос» (спонтанно возникший порядок). «Космос» является сверхрациональной конструкцией, «таксис» же выражается главным образом в нормах публичного права, которое называется рациональным коррективом спонтанно выросшей правовой системы («космоса» или частного права)⁶.

При понимании процессов правового развития нужно исходить из этих важных, на наш взгляд, общеметодологических положений. В этом видится тот ориентир, который не позволит впасть в крайности подходов, выражающих стремление видеть в качестве источников права (его эволюции) какое-либо одно начало. Как отмечает И. Л. Честнов: «Наиболее эвристически ценными, вытекающими из постклассической картины мира философскими принципами — постулатами научного исследования права — являются, как представляется, исходные положения диалогической онтологии...»⁷.

⁵ См. также: Трофимов В. В. Методология исследования правообразования // Современные методы исследования в правоведедении / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. Саратов, 2007. С. 444–484.

⁶ См. об этом: Исаев И. А. Право и общество (социолого-правовые проблемы в современной западной науке) // Право XX века. Идеи и ценности / отв. ред. Ю. С. Пивоваров. М., 2001. С. 299–300.

⁷ Честнов И. Л. Указ. соч. С. 323.

¹ Явич Л. С. Сущность права. Социально-философское понимание генезиса, развития и функционирования юридической формы общественных отношений. Л., 1985. С. 8. «Право, — отмечает В. А. Бачинин, — является открытой системой, находящейся в отношениях активного информационного взаимодействия с социумом и способной к самоорганизации» (см.: Бачинин В. А. Основы социологии права и преступности. СПб., 2001. Гл.: «Правовая социология и синергетика». С. 36).

² См. подробнее: Степин В. С., Кузнецова Л. Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. М., 1994. С. 198–200; Степин В. С. Теоретическое знание. М., 2000. С. 644–645.

³ Степин В. С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность С. 14.

⁴ См., например, о проблемах применения коэволюционной модели: Данилов-Данильян В. И. Возможна ли «коэволюция природы и общества» // Вопросы философии. 1998. № 8. С. 15–25; Моисеев Н. Н. Еще раз о проблеме коэволюции // Там же. С. 26–32.

Модернизация правовой системы, приспособление ее к новым, более динамичным условиям жизни должны сопровождаться (не говоря в данном случае об определенной перестройке юридического мышления) формированием более надежного и вместе с тем мобильного арсенала способов правового созидания. На современном этапе развития общества важно создавать предпосылки для комплементарного взаимодействия двух основных начал — спонтанного (стихийно-природного) и планомерно-рационального. Необходимо прийти к выводу о построении обновленной правовой концепции, которая позволяла бы учитывать как естественно-социальное начало в процессе развития права, так и роль в этом процессе субъектов юридической компетенции (рациональное начало). В последнем случае право, являясь феноменом культуры, предстает как результат сознательной и планомерно

осуществляемой деятельности, формируется и действует как своеобразный (по Ф. А. Хайеку) «рациональный корректив спонтанно выросшей правовой системы»¹.

Правовое развитие следует понимать как *двуединый (естественно-социальный и рационально-организованный) процесс, в котором природа социума и разум субъекта юридической компетенции развиваются в постоянном взаимодействии и переплетении*. В правовой жизни есть два источника динамики права — объективный (не связанный с волей субъекта правотворчества или правоприменения; здесь право развивается в силу внутренних потенций к преобразованию и самовоспроизводству) и субъективный (определяемый волей законодателя/правоприменителя), взаимно дополняющие друг друга в ходе культурно-правовой эволюции.

¹ См.: *Исаев И. А.* Указ. соч. С. 300.